

возможности *Оксфордца* выглядят в некотором роде еще «еретичнее» чисто алхимических. Вместе с тем все это плоче, уравновешенней, статичней. Бог у него — «генеральный конструктор». Именно он, а не алхимик, — побудитель души, активатор единичных вещей-субстанций. Опять предельное послушание.

Теперь снова войдем в атомистический (или антиатомистический?) контекст. *Трансмутация металлов* происходит вне предельной оппозиции: *первоматерия* — *квинтэссенция*. Металлохимические превращения укладываются в ряд последовательных единичных пресуществлений-преображений. Чудо и эмпирия в их одновременности. Акцент на индивидуальное, целостное, живое. Путь к дроблению, измельчению вещества заказан. Одушевление индивидуальных вещей.

Вот почему антиатомная презумпция привела *Бэкона* к неосознанному «провидению» дискретного атомного элементаризма — элементной атомистики. Опять-таки: образотворчество в условиях предельного послушничества — путь к преобразованию культуры³⁹. Но, по М. Хайдеггеру, *Бэкон* даже в «эксперименте» не только что послушник, но и догматик, лишь комментирующий писание: «...Р. Бэкон не мог быть предшественником современных экспериментирующих исследователей, а всегда оставался последователем Аристотеля, поскольку был скован христианской догмой о подлинном обладании истины в вере, в достоверности писания и учения церкви... Познанием здесь было не исследование, а правильное понимание определяющих высказываний и истолковывающих их авторитетов. Обсуждение высказываний и ученых мнений различных авторитетов получает преимущество в способе познания средневековья... Если теперь Р. Бэкон требует эксперимента — а он требует его, — то он подразумевает под ним не научный эксперимент как исследование, а хочет вместо *argumentum ex verbo* — *argumentum ex re*, вместо обсуждения ученых мнений наблюдения самих вещей — аристотелевской *ἐμπειρία*» (Heidegger, 1963, с. 75). Все здесь сказанное было бы именно так, если бы алхимическое «непослушание» *Бэкона* не избрело вдруг «антиатомистический атомизм», допытываясь у природы ответа по-прежнему средневековым способом, комментируя ее, но не преобразуя. Начальный же импульс — алхимический космос, являющийся карикатурой на космос правоверного христианина.

Итак, подлинный диалог алхимии с химией не состоялся. Это был скорее монолог алхимии, понятой как химия. Нужно возобновить диалог алхимика-христианина с неалхимиком-христианином (даже если ими будет одно лицо). Возобновим же этот диалог, вернувшись в замкнутый мир средневекового природознания. Может быть, после этого средневековый алхимик и химик нового времени сделаются сговорчивей?

³⁹ Фигура Р. Бэкона наиболее методически и методологически подходяща, ибо в одном лице живет францисканец и алхимик, послушник и еретик, являя их амбивалентную исторически уникальную взаимотрансформацию — *трансмутацию*.